

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Каплин А. Д. Д. А. Валуев об историческом развитии России и славянофильская идея // Вісник Харківського державного університету. – 1998. - № 413: Історія. – Вип. 30. – Харків, 1998. – С. 95 – 103.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

Д. А. ВАЛУЕВ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ И СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ИДЕЯ

Несмотря на раннюю смерть (в 25 лет) Дмитрий Александрович Валуев (в середине XIX в. его фамилия писалась «Волуев») оставил заметный след в российской историографии. Он был не только одарен талантом к познанию истории, но и чрезвычайно трудолюбив, даже по меркам того времени. Д. А. Валуев — ровесник С. М. Соловьева (род. в 1820 г.), еще до выхода последнего на широкое историческое поприще успел сделать, вопреки своему болезненному состоянию, столь много, что и спустя полтора столетия его исследование по истории местничества не потеряло своего научного значения (см. [5]), а в то время оно признавалось «едва ли не самым лучшим и строгим исследованием частного, но весьма важного факта, какое когда-либо было сделано в нашей исторической науке» [8, с. 402].

Если к этому добавить валуевские розыскания и собирание им редких источников, его издательскую деятельность (достаточно вспомнить «Библиотеку для воспитания»), другие его начинания и замыслы, то нельзя не посотовать на то, что о таком, по всеобщему признанию, замечательном человеке написано совсем немного, да и то главным образом в прошлом столетии. Сразу же после кончины Д. А. Валуева в 1845 г. появились воспоминания С. П. Шевырева и А. С. Хомякова, краткая биография, написанная, по всей вероятности, В. А. Пановым [2; 4; 8, с. 394-404]. Спустя десятилетия помянули о безвременно ушедшем историке Н. П. Барсуков и Д. Н. Свербеев [1; 3].

В советских же историографических трудах, носящих обобщающий характер, Д. А. Валуев даже не упоминается, о чем не мог не посотовать А. Н. Цамутали, специально остановившийся на анализе «Валуевского сборника» [9, с. 34-40]. Однако его вывод о том, что именно Д. А. Валуев первым изложил славянофильскую концепцию русской истории [9, с. 40] и проявил себя как историк «в гораздо большей степени», чем К. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин, остался не обоснованным и не подкрепленным ни самим А. Н. Цамутали, ни впоследствии кем-либо другим. Таким образом, начало справедливого восстановления доброй памяти Д. А. Валуева произошло за счет уничтожения его друзей без всякого к тому основания.

Учитывая, что в историографии наблюдается «своеобразное «сборное начало» в подходе к славянофилам, когда взгляды одного из

них отождествляются со взглядами другого, а славянофильство в целом делается ответственным за все высказывания лиц, причастных к славянофильскому кружку» [10, с. 81], нам необходимо вернуться к проверке сделанного А. Н. Цамутали заключения. Ибо слабое представление о концептуальных воззрениях Д. А. Валуева, разноречивость в оценке такого сложного общественного явления как славянофильство, не могут не исказить и общее понимание русской общественной мысли XIX в.

В данной статье предпринимается попытка исследования основных положений воззрений Д. А. Валуева на историю России (оставляя за пределами рассмотрения в деталях историю местничества), а также выяснения их сродства славянофильской идее исторического развития России, которую до середины 1840-х годов разрабатывал прежде всего и главным образом А. С. Хомяков. К сожалению, до сих пор остается неизвестной судьба архива Д. А. Валуева [11, с. 253], а потому вышеназванные мемуарные и другие материалы, но, в первую очередь, сами опубликованные его исторические работы, являются ценнейшими, незаменимыми источниками.

Д. А. Валусев изложил свои воззрения в двух капитальных, им же подготовленных трудах, вышедших из печати в 1845 г.: в «Синбирском сборнике» (в историографии он называется «Симбирским») и «Сборнике исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» [6; 7]. Задумывались они как многотомные издания, материала собранного и обработанного хватало и на следующие тома, но, в связи со смертью издателя, они так и не вышли в свет. Второй сборник в историографической традиции получил название «Валуевского». В нем вдохновителю и руководителю издания принадлежало «Предисловие» и 5 самых различных по тематике статей и материалов, в которых он излагает свое понимание русской истории.

В «Валуевском сборнике» приняли участие не только те, кого принято относить в той или иной степени к славянофильствующим, но и Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, являвшиеся их страстными оппонентами. Именно в приложении к статье последнего «Юридический быт Силезии и Лужи и введение в эти земли немецких колонистов» Д. А. Валусев подчеркивает, что славяне «искони» были оседлыми земледельцами и жили «в больших и вольных общинах», а «Россия до-варяжская была тем же, что и с варягами» [6, с. 51, 52]. В XI–XII вв. Русь была покрыта «одною сетью мелких и больших общин, городов и волостей» и общины эти были исконные, родовые [6, с. 52].

Но главные положения были высказаны в «Предисловии», где излагалась целая концепция исторического развития России, совершенно обойденная в историографии. А потому мы и остановимся на ней с максимальной подробностью. К тому же вышеназванные сборники ни разу не переиздавались, став библиографической редкостью.

Только Россия и Норвегия, полагает Д. А. Валуев, были единственными в Европе государствами, которые основаны не завоеванием. Запад «принял в себя наследие древнего человечества», там, на римской почве не было выбора. Все дурное и хорошее полуязыческого римского мира было впитано. На своем пути Запад достиг важных результатов. Но окончить свое дело — «провести свое просвещение к его последним общественным и умственным итогам может только сам Запад, довершая назначенный ему круг жизни» [6, с. 4]. Россия продолжать «дело Запада» не может, да он и не нуждается в «помощниках и продолжателях». И сама Россия «не призвана и не прощена» в продолжатели. Она в этом деле лишняя. Но она не лишняя в общей экономике человечества», здесь-то разные народы одинаково необходимы.

Дополнение к этим своеобразным размышлениям мы находим в «Симбирском сборнике», во «Введении к Разрядной книге» 1550–1605 гг., где Д. А. Валуев предполагает, что, может быть, русской жизни досталась в удел «слишком ранняя для человечества задача»: когда каждое лицо общества делается живым, но «страдательным органом общественной обязанности»; в таком обществе места для личности «не было и быть не могло» [7, с. 128]. Бессильная осуществить «стройное и гармоническое целое и оправдать на себе начала высшего порядка, которые лежали на ней», Россия (в смысле ее «общественности») «высказалась миру одними бессвязными опытами внутренней общественной силы, которая начинала оживать и сохнуть, прежде чем успела дозреть до своих живых плодов и живых охрар для будущего общества» [7, с. 128].

Итак, Россия дотатарская осталась в степени «живого, но не дозрелого организма». Она не успела выработать «в полноте и определенности» ни одну из лежащих в ней начал. Затем она была остановлена в своем живом развитии монголами и Литвою. Древнее русское общество осталось на «каком-то среднем пути, усеянном болезненными, незрелыми явлениями, исполненными внутренних противоречий и бессвязных стремлений» [7, с. 129]. Но такое состояние свидетельствует о том, что здесь есть внутренняя созидательная сила — залог для будущего. Ибо для русского народа существовало одно нравственное мерило человека. Но Россия еще не созрела до живых

правственных связей общества и «не могла допустить в себя исторического деятеля личности» [7, с. 131]. Местничество же обрекало общество на «китайскую неподвижность».

Придя к такому выводу, Д. А. Валув не мог не остановиться на рассмотрении роли Петра I. Но, так как он несколько не унижал Запад и не идеализировал древнюю Русь, то и в оценке Петра I ему не было необходимости прибегать к резким отрицательным оценкам.

В статье «Славянское и православное население Австрии» Д. А. Валув подчеркивает громадную роль Петра I, как реформатора, который «могуществом воли и мысли» покорил Россию «наперекор своему народу и всему прошедшему славянской семьи — понятию государства во всей его исключительной строгости» [6, с. 254]. Да, он «заковал старую, привольную Русь в строгое и тяжелое здание государства», но «новая государственная Россия взошла грозною тучею на небосклоне Европы» [6, с. 254]. И потому Петр I «великий деятель истории», «великий вождь», что понял: «лишь таким полным торжеством государственного начала мог его народ навсегда упрочить за собою то вещественное могущество и то место среди других народов, которые были необходимы для спокойного и свободного развития его внутренних, духовных сил; и вместе навсегда упрочить будущность всей великой семьи, которой дотоле всюду и во все века окончательно доставались на долю одни страдания, унижение и рабство» [6, с. 254].

«Дело Петрово» Д. А. Валув рассматривает не иначе как «государственный подвиг»: от «неосторожного удара великого вождя» «народная древняя Русь» «проснулась от долгого сна в могучем теле новой государственной России» [6, с. 254].

Эта тема находит продолжение в «Предисловии» к «Сборнику исторических и статистических сведений...». Здесь автор подчеркивает, что до Петра I Россия оставалась в «тесной исключительности своего быта» и вследствие этого государство не могло развить не только своих вещественных, но и духовных сил [6, с. 1]. А потому едва ли была возможность когда-либо прийти к «своей полной и сознательной жизни, иначе как через знакомство с Западом и его уметственным достоянием». Но для того чтобы Россия могла понять этот Запад, ей было необходимо хотя бы на время перенести в себя некоторые явления и формы. Это делалось и раньше: Россия стала усваивать многие плоды просвещения еще с середины XVI в. Постепенно еще в течение одного-двух столетий достижения Запада были усвоены. Петр I совершил это за жизнь одного поколения и это дало

«блестящую историю России». Полтора века употребила Россия на то, чтобы узнать этот Запад, учиться у него, «пересаживать в себя» его общественные и умственные явления и формы. Сюда были направлены все силы государства и все сочувствия общества. Но Россия получала западное просвещение не как наследница, она имела право свободного выбора: Запад ничего не мог произвольно навязать — ни дурного, ни хорошего. И если Россия дурно воспользовалась плодами, то виновата она сама, ибо хотя за полтора столетия и научилась многому, но все иностранное заимствовали без разбору. Теперь отречься от Запада, значит отречься от себя.

С первым десятилетием XIX в. для России, считал Д. А. Валув, закончился ее государственный подвиг. Довершив его на Западе, «успокоив и умирив взволнованную Европу», государство обратило свои силы на самого себя и на своих забытых единоверцев. Ибо с падения Константинополя Россия в течение трех столетий оставалась единственным православным государством на земле. Теперь она стала и во главе тех народов, которые недавно даже не хотели знать о ее существовании. Теперь время подумать и о том, чтобы самим из себя выработать внутренние начала своей нравственной и умственной жизни, приняв на себя и всю ответственность в ней, умея дать отчет и себе, и другим — «и связать ее со своим народным прошедшим и будущим, а не довольствоваться — в пустоте своей внутренней жизни — одними убеждениями, взятыми напрокат...» [6, с. 5].

Д. А. Валув обращал внимание, что в принятом просвещении надо видеть «не вывод из чужой жизни», а науку, опыт и материал для нашего будущего, которое еще наше и нас призывает на самостоятельное участие в мировом деле человечества, в новых, может быть, образах мысли и жизни, и новых, еще нетронутых и свежих силах» [6, с. 5].

Он с оптимизмом утверждал, что Россия «еще не пережила и не узнала в самой себе десятой доли тех духовных и вещественных богатств, которые заключены в ее духе или рассеяны на ее неизмеримом пространстве» [6, с. 5-6]. А потому исключительное поклонение всему западному и презрение ко всему русскому должно смениться употреблением очищенного чужого материала на развитие собственных сил для будущего человечества. Для этого есть все основания. Россия уберегла себя от всякой исключительности, ее положение самое выгодное: русский может рассматривать всякие общественные явления «как нечто ему совершенно внешнее — как естествоиспытатель рассматривает явления вещественной природы» [6, с. 9].

Итак, «смирненное учение окончилось», приходит к выводу Д. А. Валуев, свежие силы «новопришедшего в историю народа и все глубокие тайники его внутреннего, еще неосознанного духа, скрытая мысль и поэзия его быта и не даром прожитого им прошедшего... отзовутся в мыслящих представителях, знакомых с просвещением прочаго мира, — тогда всякий добросовестный труд в области науки принесет ей в дань не букву и не мертвый набор фактов, а свое живое слово и свежую силу, которая даст ей новое движение, и оплодотворит ее почву, где она оскудела» [6, с. 10].

Но теперь иные требования, и передовые русские середины XIX в. начали понимать цену того, что утрачено, а потому необходимо «восполнить по-возможности преступную утрату, собрать, воскресить, хотя на бумаге, все еще уцелевшее и сделать его общедоступным каждому; такова святая, на нас лежащая обязанность перед будущими поколениями и перед нашим прошедшим, которое с каждым днем все далее уходит от нас и безвозвратно теряется» [6, с. 15].

По Д. А. Валуеву, Россия начала сбрасывать с себя «западную исключительность и оковы французских и немецких идей» [6, с. 16]. Приходит время более зрелого и самостоятельного мышления. И Д. А. Валуев задачу науки, в первую очередь исторической, видит в том, чтобы «пишущую, читающую романы и играющую в карты Россию, познакомить с Россиею, которая на нее трудится и работает, и доселе остается почти тою же, какою застал ее Петр Великий, во всех преданиях и условиях прошедшего, уже давно забытого и утраченного ее другою половиною» [6, с. 17]. Но этого мало. Россия не узнает себя во всей полноте, если не узнает всего родного по вере и крови в других краях.

Поэтому и выливается неслучайный интерес Д. А. Валуева в статью «Историческая наука славянского мира в последнее пятилетие», которая должна была иметь продолжение. Он убежден, что России нужна не просто своя историческая наука, но наука русская и православная (под православным же и русским Д. А. Валуев понимал русского православного «Великой ли, Малой, или Белой России»). Именно такая наука расскажет и о самих себе, и о единоверцах, и о самом Западе, расскажет совершенно по-иному. Ибо западное мышление не может выйти из своей тесной сферы, не отказавшись от самого себя. Русская наука может быть более беспристрастной: «русский может знать и вместе оставаться вне своего знания — такова бесспорная выгода его положения, правда, ничем не заслуженная» [6, с. 260].

Вера и духовные убеждения людей, считал Д. А. Валуев, разделяют человечество на великие исторические массы; или соединяют государства и народы в одну общую судьбу. Для него важна именно эта связь веры. Он искренно полагал, что приходит время более зрелого и самостоятельного мышления: Россия умела «отказаться от своего прошедшего и поставить себя вне своей народности», это была ее заслуга (превосходство даже, но и бессилие) перед другими народами, но и вина перед собою [6, с. 259].

Такова схема исторического развития России у Д. А. Валуева. По сути дела он выделяет следующие этапы российской истории: I — допетровский; II — государственный подвиг, начатый Петром Великим и окончившийся в первое двадцатилетие XIX века; с этого момента начинается III этап. На II этапе Россия решала задачу «узнать Запад», его уроки и плоды. С этой задачей она справилась. До этого Россия пребывала в «тесной исключительности» к «своей полной и сознательной жизни» не через себя, а только через Запад. Но понять — не иначе как перенести в себя чужие явления и формы.

Итак, то, что недозрело и не дало больших и ярких результатов, еще может дать их, обогатившись опытом других. Но уроки других только тогда достигают результатов, когда пробудят в ученике его собственные силы, на которых он построит самостоятельную жизнь и сознательное мышление [6, с. 3]. Историк понимает, что разные народы «одинаково необходимы», а потому пусть будущие поколения Запада сами выносят приговор своей истории. России же следует сказать «спасибо» своему учителю и выйти на самостоятельное поприще, со своими духовными и вещественными богатствами, отбросив чуждое принятое. Он уверен: «Свежие силы новопришедшего в историю народа, и все глубокие тайники его внутреннего, еще неосознанного духа, скрытая мысль и поэзия его быта и недаром прожитого им прошедшего» дадут свой плод [6, с. 10].

Д. А. Валуев практически не останавливается на роли варягов, на принятии христианства. Но это не значит, что он недооценивает значение веры, религии. Любопытно его понимание просвещения. Он считает, что «история религиозных убеждений есть вместе итог всей истории Запада» [6, с. 2]. С одной стороны, за просвещение он принимает общее, неопределенное, традиционное значение — «вещественные улучшения в быту, усовершенствования науки, художеств и видимое благоустройство общества» [6, с. 2].

Но если понимать просвещение как «совокупное умственное и нравственное движение, которое должно соединять народы в единство

братолюбивой жизни и осуществлять в обществе чистую мысль христианства, во сколько она осуществима в человеке», то Д. А. Валуев сомневается: кого можно назвать более просвещенною — Россию XV–XVI вв. или современную ей католическую и протестантскую Европу.

Интересно решал Д. А. Валуев и соотношение права и веры. Право для него «есть высшее условие и цель всей жизни и стремлений общества», «высшее условие всей гражданской жизни человека в обществе» [6, с. 14, 19]. Но «вера и народное исповеданье есть высшее условие и конечный пункт всей жизни и возможного развития не только самого общества и человека во всей его полноте и как члена семьи, куда не достигает **внешний закон**, и наконец, как духовного существа, принадлежащего своему нравственному миру, куда не достигает никакая **вещественная сила**» [6, с. 19].

Таким образом, мы убеждаемся в том, что Д. А. Валуев решал не только конкретные исторические проблемы, тщательно исследовал источники, но имел и довольно серьезные теоретические построения. Он исходил из понимания (общего не только для славянофильского кружка) о завоевании как об одном из важных факторов европейской истории и отсутствии оного в России. Отмечал он и отсутствие в ней и другого фактора — наследия римского мира. Но вот четкого и убедительного различия в третьем факторе — в различии духовных основ, собственно православия и западных исповеданий (как это сделали впоследствии И. В. Киреевский, Ф. И. Тютчев, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин) — Д. А. Валуев все же еще не делает. Указано им, но осталось не развитым положение об общине. К тому же **они** называются «родовыми», а полемика с С. М. Соловьевым и **другими** защитниками родового быта станет вскоре одним из **существенных факторов** в развитии славянофильской идеи.

Д. А. Валуев выражает и сходную с И. В. Киреевским мысль: отречься от Запада и разлучиться с приобретениями уже нельзя; нужно использовать лучшие плоды и устранить вредное, возрождая внутренние перестраченные и непроявившиеся силы.

Оценка Д. А. Валуевым «дела Петрова» выглядит чрезвычайно положительной не только по сравнению с убийственными по сути словами А. С. Хомякова более позднего времени, но и поэтическими упражнениями К. С. Аксакова середины 1840-х гг.

Через два года после появления «Сборников» Д. А. Валусева славянофильскую концепцию русской истории изложит Ю. Ф. Самарин и акценты окажутся расставленными уже в других местах. И еще не раз в течение почти полутора десятилетий это будут делать

А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы. Славянофильская идея исторического развития России будет становиться все более основательной, аргументированной, подкрепленной как с богословской, историософской, так и с конкретно-исторической стороны. Каждый из творцов этой идеи внес свой неповторимый вклад, как внес его на самых первых стадиях и Д. А. Валуев, имевший, как мы убедились, особое видение исторического пути России.

Литература

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. Н. Погодина. — СПб., 1894. — Т. 7.
2. Биография Д. А. Валуева // Татевский сборник. — СПб., 1899.
3. Записки Д. Н. Свербеева. — М., 1899. — Т. 1.
4. Московские ведомости. — 1845. — № 156.
5. Разрядная книга 1559–1605 гг. — М., 1974.
6. Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоплеменных и единоверных / Изд. Д. А. Валуева. — М., 1845. — Т. 1.
7. Симбирский сборник, Историческая часть / Изд. Д. А. Валуева. — М., 1845. — Т. 1.
8. Хомяков А. С. Сочинения в 8 т. — М., 1900. — Т. 3.
9. Цамутали А. П. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. — Л., 1977.
10. Цимбаев Н. И. Из истории славянофильской политической мысли. К. С. Аксаков в 1848 году // Вестн. Моск. ун-та. Серия IX: История. — 1976. — № 5.
11. Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. — М., 1986.